

Григорий
Башкиров

Роковая сделка

детективная повесть

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК—
ПЕРЕДНИЙ КРАЙ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Григорий Башкиров

Роковая сделка

«Книга-Сэфер»

2014

Башкиров Г. В.

Роковая сделка / Г. В. Башкиров — «Книга-Сэфер», 2014

Повесть Григория Башкирова, в прошлом офицера милиции, написан в столь любимом, но ныне редком жанре классического детектива. Причем в лучших традициях классического «советского» детектива. Вот что пишет об авторе и его романе его коллега по «убойному отделу», создатель «улиц разбитых фонарей», Андрей Кивинов: «Я познакомился с Григорием Владимировичем Башкировым в 1988 году, в то чудное время, когда милиция была еще советской, продукты продавали по талонам, а убойный отдел был единственным на весь город. И каждое убийство, в отличие от сегодняшних дней, воспринималось, как резонансное. Но главное – слова «честь мундира» в большинстве своем не являлись чем-то сказочным. Именно к этому большинству и относился Григорий, работавший в упомянутом 2-м убойном отделе. Я не любитель писать характеристики, это какой-то формальный подход. Поэтому скажу просто – Григорий – настоящий, порядочный мент, пришедший в органы с одной целью – ловить всяких уродов и помогать людям. Я уверен в этом, потому что мне доводилось видеть в его глазах детскую радость, когда очередной душегуб попадал за решетку. Он из тех романтиков, кто сутками не уходил с работы, кто гробил здоровье в прокуренных кабинетах и боевых командировках. Но ни разу не пожалел, что пришел на эту службу. И, уверен, что он до сих пор гордится своим прошлым».

© Башкиров Г. В., 2014

© Книга-Сэфер, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Григорий Башкиров

Роковая сделка

Глава 1

Сентябрь 1982 года.

Ворота колонии приветливо распахнулись перед Максимом Разиным и плавно затворились. Вместе с несколькими осужденными он по этапу прибыл к месту отбытия наказания и теперь, озираясь, стоял на небольшом внутреннем плацу, ожидая дальнейшего поворота судьбы. Хотя этапом это назвать было трудно. Не было душного, пропахшего селёдкой спецвагона, долгих многосуточных стоянок на запасных путях в ожидании попутного поезда, насмешек и унижений от конвойных. Был автозак и двухчасовой путь из следственного изолятора в колонию.

Следствие и суды длились почти полтора года. Осудили Разина по суровой статье как члена банды. Городской суд учёл отсутствие судимостей, смягчающие обстоятельства и приговорил его к девяти годам лишения свободы. Местом отбытия наказания была определена колония усиленного режима. Максим понимал, что ещё легко отделался. Семёна, к примеру, прокурор «подвёл» к «вышаку» и приговор привели в исполнение.

* * *

Сразу после задержания Максима арестовали и из ИВС (изолятор временного содержания) районного управления перевели в следственный изолятор на набережную реки.

Преодолевая нервную дрожь и стараясь ничем не выдать волнение, он переступил порог камеры. Вроде всё правильно сделал. Сдержано поздоровался и назвал себя. С разрешения присел на скамейку у обеденного стола и подробно отвечал на вопросы старшего по камере, мощного парня лет тридцати по имени Сергей. Получил место на нарах на первом ярусе и за столом. Всё началось относительно спокойно, если бы не Лохматый – худосочный плешистый зэк, весь синий от тюремных наколок. Вечером после ужина он подсел на койку Разина.

– Как жизнь, керя, – осклабился в щербатой улыбке и, дыша на Андрея гнилью, дружески обнял за плечо.

– Нормально, – кратко бросил Разин и отодвинулся.

– А за базар отвечаешь? – участливо поинтересовался Лохматый.

– Отвечаю, – ответил Максим, и сразу пожалел, что поторопился с ответом, почувствовав подвох в самом вопросе.

– Нет, не отвечаешь ты за базар, – Лохматый вновь ухмыльнулся, оголив свои гнилухи. – Нормально живут на воле, а ты на нарах паришься. Это не нормально. А жизнь твоя, керя, очень сейчас хреновая. Придётся за базар ответить.

Максим понял, что возражать и оправдываться бесполезно и поздно. Он уже «купился». Сокамерники молча сидели и лежали на своих нарах, но было ясно, что разговор внимательно слушали и ожидали развязки. Разин решил молчать. Лохматый, выдержав паузу, зло взглянул на Максима.

– Что молчишь? За базар, спрашиваю, отвечать собираешься?

Не найдя что ответить, Максим посмотрел на Сергея. Тот читал книгу и улыбался.

– Что молчишь, спрашиваю?! – всё более распалялся Лохматый, – в «падло» говорить с людьми? Чухан долбанный! Парашник! – Хрипло заорал он, хватая Разина за горло.

Максим понял, что помощи ждать не от кого и решил драться. Пусть хоть всей камерой набрасываются. Вскочил с нар и встал напротив.

– Отвали, урод!

– Что-о-о? – взвился Лохматый, – братва, заорал он, обращаясь к сокамерникам, – пидор взбрыкивается, давай...

Он не успел договорить, поскольку получил увесистый удар в зубы. Максим нанёс ещё один удар в пах и Лохматый, согнувшись пополам, свалился на пол.

Разин отскочил в угол и приготовился защищаться до конца. Максим стоял, тяжело дыша и сжав кулаки. Он ожидал атаки, однако, к удивлению, никто не тронулся с места. Лохматый стал приходить в себя: кряхтя, матерясь и выплёвывая на пол выбитые зубы, дополз до своих нар и завалился на бок.

– Долго ещё стоять собираешься? – спросил Сергей, – Расслабься. А ты, – обратился Сергей к Лохматому, – замолкни!

Максим лег на своё место и ещё долго не мог заснуть. Уже под утро забылся в коротком, тревожном сне, просыпаясь от малейшего скрипа пружинных коек.

Так прошёл его первый день в неволе. Впоследствии были множественные встречи со следователем, операми – городскими и из оперативной части изолятора. Разин решил держаться и отвечать только за себя и в пределах уже доказанного. Пару раз его избивали прямо в кабинете опера, но не сильно, без телесных повреждений – для остратки. Потом стали переводить из камеры в камеру. Приходилось тяжело. Прессовали по «взрослому». Защищая себя, дрался. За это сажали в карцер. Вот где было плохо. Переодели в грязную буро-зелёную полосатую робу. Голодуха и холод! Больше всего доставали регулярные проверки-шмоны. Хотя, спрашивается, что можно обнаружить в камере-одиночке арестанта? Между тем, регулярно и с завидным энтузиазмом оснащенные резиновыми дубинками охранники, как правило, в ночное время отпирали дверь камеры. При этом Максим обязан был вскочить, широко расставить ноги, сложить растопыренные ладони за спиной, упереться лбом в противоположную входу стену, и проорать, кто ты есть, когда и за какие грехи попал на «кичу». При отсутствии замечаний можно было рассчитывать на пару несильных ударов дубьем по спине. Противиться процедуре обычно никто не думал – себе дороже.

После выполнения всех следственных действий, достаточных для направления уголовного дела в суд, следователь и оперативники оставили Максима в покое, и он вновь очутился в своей камере.

Лохматого уже не было, как и большинства прежних сокамерников. Сергей, как всегда, был невозмутим. Пристально взглянув на Максима, крепко пожал руку: «Здорово, Макс». Место определил рядом с собой. Разин незаметно сблизился с Сергеем. Ночами долго толковали за жизнь. Как-то Разин поинтересовался, почему тогда никто не встал.

– Лохматый – чёрт, падаль, да и тебя рассмотрели, – сказал Сергей.

В изоляторе Разин регулярно получал передачи. По старой памяти «подкармливала» Ритина сестра Ирина, с которой, до ареста он имел тайную связь. Максим часто вспоминал Риту.

Примерно через год нахождения в заключении он от Ирины узнал, что Рита погибла. Получив весть, успокоился. Теперь нечего было скрывать. Жизнь всех расставила по местам.

Избежав суда уголовного, Рита не избежала суда божьего. Ведь именно она сплотила его, Семёна и других отчаянных и безбашенных парней в группу. Связала их всех круговой поруккой, а Разина и Семёна личной привязанностью. Бог ей судья!

Перед отправкой на зону они с Сергеем попрощались.

– Если что, скажешь, что с Захаром вместе был.

* * *

После обязательного карантина Разина расписали в отряд. Получив у старшины отряда матрас и постельные принадлежности, он разместился на указанном месте. Был день и Максим находился в бараке один, если не считать дневальных и «шныря», беспрестанно спящего по помещению. Макс прилёг на койку и закрыл глаза. Перед глазами опять предстала Рита. Всё-таки он любил её, и если бы не Семён, кто знает, как жизнь могла сложиться далее. Вспомнил и «Муху» – Игоря Мухина:

– Ох, – простонал Разин, – если бы не он...

Незаметно уснул. Проснулся, когда в казарму ввалился народ после работы. На него никто не обратил внимания.

На следующий день после утреннего построения надзиратель отвёл к дежурному помощнику начальника колонии (ДПНК). Оттуда другой «цирик» препроводил в оперативную часть к капитану Саврасову.

Макс, подойдя к двери кабинета, постучал. Дождавшись разрешения зайти, открыл дверь и, остановившись на пороге, доложил Саврасову о прибытии.

Николаю Николаевичу было тридцать четыре года от роду. Несмотря на молодой возраст, он был уже с сединой, жилистый и физически сильный, резкий в движениях и словах. До тюрьмы Саврасов считался неплохим оперативником. Работал заместителем начальника отдела уголовного розыска районного управления. «Спалился» бездарно, в одну секунду. Проверяющий, листая личное дело агента, обнаружил промеж документов неизвестно как затесавшийся туда чистый лист бумаги с чёткой росписью секретного сотрудника. Произошёл крупный скандал. Саврасов тут же был обвинён в должностном подлоге, присвоении государственных денег и ещё многих грехах, которые таил в себе с виду невзрачный документ. Действительно, при желании на этом листе можно было написать что угодно, к примеру, сфабриковать расписку о якобы полученном агентом денежном вознаграждении. Сор из избы выносить не стали, что обошлось управлению в кругленькую сумму, затраченную на долгие уговоры проверяющего клерка из Главка. Прекрасно понимая, что Саврасов тут не при делах, руководство дело замяло, но капитану милиции дали недельный срок для поиска нового места службы. Он и не возражал, понимая, что сам дурак – дела надо чаще листать. Ничего не оставалось, как уйти туда, где всегда имелись вакансии для оперативника – в систему исправительно-трудовых учреждений. Уже полтора года Николай тянул лямку в должности начальника оперативной части учреждения. Вначале было непривычно, потом вработался.

* * *

Саврасов предложил Разину сесть на табуретку напротив его стола. Внимательно и долго рассматривал Макса. Закурив папиросу, без видимого интереса расспросил о прошлой жизни и родных. Разин осторожно и немногословно отвечал. Он уже догадался о сути дальнейшей беседы. Саврасов, между тем, напомнил ему, что срок заключения долг (Разин это и сам прекрасно знал), что многое будет зависеть от самого Разина, его поведения, осознания своей никчемной преступной сущности и твёрдого намерения стать на путь исправления. Обрисовал различные варианты дальнейшего пребывания на зоне. Варианты вырисовывались диаметрально противоположные. Вариант А: относительно спокойная и сытая жизнь, с перспективой в последующем заведовать библиотекой или каптёркой. Получить послабления режима содержания и, главное, это УДО (условно-досрочное освобождение). Вариант Б: Полный и реальный кошмар, о котором и подумать страшно. Макс молча слушал. Закончив прелюдию, Саврасов спросил, понял ли Разин. Разин «включил дурака», пожал плечами и посетовал, что УДО это

очень хорошо, но у него статья особая, нехорошая, тяжкая. Саврасов отмахнулся – «ерунда», и сказал, что всё будет, как он скажет. После чего напрямую спросил, будет ли Разин сотрудничать с ним. Макс посчитал немедленный отказ преждевременным шагом и попросил время на раздумье. Капитан согласился подождать до завтра, предупредив о строгом сохранении разговора в тайне.

Вообще-то работать на оперативную часть Макс не собирался, но сразу наотрез отказаться не хватило духа. Выйдя от Саврасова, пошёл на рабочую зону в мебельный цех, куда его приписали. Определившись с рабочим местом, прослушал краткий инструктаж бригадира о технике безопасности. Из него следовало, что категорически нельзя засовывать различные части тела под работающий пресс, потому что расплющит, и пить горячий и холодный лак, потому что задница слипнется.

Вернувшись после вечернего построения в барак и сбросив верхнюю, пропахшую ацетоном одежду в сушилку, Макс упал на койку. С непривычки ныли мышцы, побаливала голова (во время работы не надел респиратор), першило в горле. Макс разделся и залез под одеяло. Сон навалился сразу, несмотря на густой гвалт в бараке.

Кто-то дёрнул за ногу. Макс открыл глаза.

– Подъём! – На центральном проходе стоял старшина барака. Разин сел на койке, не понимая, что от него хотят.

– Встал быстро и прибрался, – не повышая голоса, приказал старшина. Макс увидел, как дневальный поставил рядом с ним ведро и бросил половую тряпку.

– Чего ждёшь? – повторил старшина, – сказал, быстро прибрался!

– Я не буду, дневальный и шныри на это есть, – ответил Разин.

– Не понял, – изобразил удивление старший.

– Сказал, не буду, шныря посылай, – Макс встал с койки.

Сразу же получил удар в лицо. Потемнело в глазах, но Макс устоял на ногах. Почувствовал, как по щеке потекла теплая струйка.

– Взял ведро! – Прорычал старший.

– Нет!

На следующий удар он успел среагировать. Отклонившись, выбросил кулак. Раздался характерный хруст. Старшина, неловко оступившись, опрокинулся навзничь. Дальнейшее Макс помнил плохо и урывками. Его били долго и жестоко, когда упал, то добивали ногами. Очнулся в умывальнике на холодном кафельном полу, когда с него стягивали брюки. Разин попытался разогнуться, но вновь получил удар по голове.

– Шухер! – раздался чей-то отчаянный вопль. И всё стихло. Макс ещё долго куда-то летел в кромешной темноте.

* * *

Он открыл глаза, вернее один глаз. Другой глаз был закрыт повязкой. Разин попробовал повернуться на бок. Тело пронизала острая боль. Закружилась голова. Макс застонал. Решив пока не предпринимать подобных попыток, осмотрелся. Он находился в помещении с окрашенными светлым тоном стенами. Здесь же была раковина и за перегородкой санузел. Рядом на кровати кто-то лежал, закрывшись с головой казённым одеялом. Повернув голову вправо, увидел стойку капельницы. Трубка из закрепленного флакона с прозрачной жидкостью тянулась к его предплечью. Разин закрыл глаз. Услышал звук открывающейся двери.

– Ну, как дела, болезный? – Услышал резкий говорок Саврасова.

– А ты, – Саврасов сдёрнул одеяло с соседа, – иди, погуляй.

Дождавшись, когда дверь за эком закроется, Саврасов присел на табуретку рядом с кроватью Макса.

– Не успели, значит, о деле поговорить. Жаль. – Саврасов достал папиросу и закурил. Выпустив густое облако дыма в сторону открытой форточки, посмотрел на Макса.

– Повезло тебе, нутром почувствовал, что в отряд вечером наведаться надо. Чего молчишь? Спасибо хоть скажи, а то, не успею я во время – закукарекал бы.

– Спасибо.

– На здоровье. Только одно спасибо теперь не пройдёт.

– А что вам от меня надо? – Макс было трудно говорить, болела челюсть, язык распух и не слушался.

Саврасов потушил папиросу и бросил окурочек в раковину.

– Для начала, расскажешь, что с тобой произошло. Хотя, я знаю, кто тебя отделал, но хотелось бы из первых уст услышать.

– И кто это? – Спросил Разин.

– Старший. – Уверенно сказал Саврасов.

Макс отвлёк глаз: – Я сам упал.

Капитан ухмыльнулся.

– И сколько раз падал?

– Не помню.

Саврасов встал, сложив руки за спиной, прошёлся взад-вперёд по палате.

– Не помнишь, значит?

Макс промолчал.

Капитан остановился и зло посмотрел на него:

– Выходит, зря я подсуетился. Тебе, видимо, больше у параша нравится. Ну что, воля твоя. Каждый сам себе жизнь выбирает. Смотри, срок длинный, может всякое случиться.

Саврасов ушёл. Макс задумался. Положение было не завидное. Пока он находился в санчасти в относительной безопасности. А что дальше? На душе стало очень погано. Отогнал дурные мысли. «Пока живой, а потом посмотрим».

Потом приходил старший лейтенант – дознаватель и вновь «колол» на старшего. Макс монотонно отвечал, что упал сам.

Лечили ровно две недели. Левый глаз удалось сохранить – он выглядел как обычно, но почти не видел. Гематомы рассосались, ссадины затянулись розовой кожей.

* * *.

Макс зашёл в барак и проковылял к своей койке. Лёг поверх одеяла, закрыл глаза.

– Фил зовёт, – рядом стоял дневальный.

Макс уже разобрался в тюремной иерархии и знал, что в ней Фил стоит на верхних ступенях.

Разин, кряхтя, медленно поднялся и пошёл в каптёрку старшины. Филарет сидел за письменным столом и маленькими глотками прихлебывал крепкий чай из алюминиевой кружки. Старшина находился рядом и заполнял карандашом какую-то ведомость. Макс остановился напротив. Не отрываясь от писанины, авторитет кивнул на табуретку. Разин сел.

Фил окинул его изучающим взглядом и поинтересовался:

– Как здоровье?

– Вроде жив.

– Пока...,-вставил старшина.

Филарет повернул голову к старшине:

– Заглохни! – И продолжил говорить, четко произнося каждое слово:

– На работу он не выходит – будет при мне.

– Понял, – не отрываясь от бумаг, отозвался тот.

– Что вдруг? – Поинтересовался Макс, – он всё ещё продолжал опасаться.

– Малява на тебя пришла. От Захара. Ступай пока. Нужен будешь, позову.

Произошедшее стало полной неожиданностью для Макса: «Вот уж неизвестно, где найдёшь, а где потеряешь».

* * *

С каждым днём здоровье шло на поправку. Макс так и остался при Филе. Выполнял его поручения и следил за порядком. Регулярно «качался» в тюремном спортзале. Если возникала необходимость вправить кому мозги, Макс по первому зову Фила впрягался в разборку и добросовестно ломал челюсти и носы провинившимся зекам. За последствия не опасался. Кто из избитых отважится пожаловаться администрации?

Единственно кто представлял реальную угрозу, это капитан Саврасов. Макс его одновременно ненавидел, боялся и уважал. Он видел, как контрят «цириков». Вначале разыгрывая напускное уважение и послушание, заставляют служивого поверить в свою крутость и власть. Затем слёзно упрасивают его о маленькой, совсем незначительной услуге – пронести с воли мелочёвку, вроде записки, алкоголя и тому подобные, запрещённые в обороте на зоне предметы. Разумеется, всякая услуга щедро оплачивалась. Деньги на зоне водились и ещё какие. Принимая во внимание очень невысокие оклады «службы», это играло решающую роль. С виду дармовой, лёгкий заработок бередил им душу. Если согласился на сделку и получил за это деньги – подписал себе приговор. С крючка уже не слезть. Отношение зэков в корне менялось. Теперь обращались, как к шестёрке. Отказать невозможно. Появился реальный страх быть избалованным руководством и наказанным – спалить братва могла в один момент, а в особом случае – элементарно «прибить», даже за пределами зоны. Связь с волей была налажена на высоком уровне.

Другой тип сотрудников и вольных служащих – барыги. Эти сознательно волокли в колонию всё, на чём можно нажиться. Цены заламывали десятикратные. Отличались от первых наглостью и считали, что незаменимы. Кто же его заложит? А как потом жить?

Саврасов был достаточно осведомлён о разборках, внутренней жизни в колонии и в отряде. Неоднократно обращался к руководству с конкретными предложениями. Доказывал, что зоне уже наступил бардак. Если не принять срочные меры, то администрация не сможет в дальнейшем влиять на процесс разложения. Предлагал срочно уволить отдельных сотрудников, очистить учреждение от лидеров – развести их по разным зонам. Много ещё чего предлагал...

Вскоре в оперативную часть поступили сведения о появлении в обороте наркоты. Саврасов напряг по данной теме своего сведущего человека. Тот недолго, для приличия, поломался, а потом выдал такое, что «железный» Саврасов на некоторое время опешил.

Информация была неожиданной и очень серьёзной. Поэтому он решил не спешить с докладом руководству, пока не разберётся сам. Он не мог исключить утечки информации.

Всё досконально обдумал, взвесил и решил действовать через голову непосредственного начальства. Связался с одним из руководителей оперативного отдела Управления – Суховым, которому полностью доверял. Совместными усилиями, действуя в строгой тайне, подготовили и провели хитроумную комбинацию. Нарыв был вскрыт! Пачки с расфасованным по дозам гашишем, множество коробок с ампулами наркотических препаратов, крупная сумма денег были запаяны в полиэтилен и спрятаны в бочках с лаком, доставленных в колонию на служебном грузовике. Начались задержания и аресты, повальные обыски внутри зоны. Среди соучастников были выявлены и действующие сотрудники-оборотни. Шуму наделали много!

Отличившихся сотрудников поощрили. В учреждении, где работал Николай, провели тщательную служебную проверку, по результатам которой прежний начальник колонии был отправлен в отставку, благо выслуга позволяла. Заместитель по режиму уволен. Многие

понесли дисциплинарные наказания, в том числе под «каток» угодили и абсолютно непричастные.

Начальником учреждения был назначен майор Сухов. Вскоре, пришел приказ о повышении Николая в должности. Этим же приказом ему присвоили звание «майор».

* * *

Произошедшие репрессии администрации никоим образом не коснулись положения Фила, хотя Макс был уверен, что он имел непосредственное отношение к товару, был в доле и лично рулил процессом. Сейчас Фил стал полноправным лидером. Макса перевел в ближайшее окружение. Он же двинул его заведовать вещевой кладовой. Макс прямо в помещение кладовой отгородил себе угол, где обустроил спальное место. Вроде как и жить можно. Время полетело быстрее. К тому же Ирина на воле подсуеутилась и наняла дорогого адвоката. Макс не знал, как всё удалось, кто, кому и сколько заплатил, но он освобождался по УДО, отбыв в колонии на полтора года меньше положенного срока. С нетерпением считая каждый день, он жаждал свободы! Эти ожидания не давали покоя ни днем, ни ночью. В радужном свете он представлял, как заживет на воле: вместе с Ириной откроют кооператив – благо наступили другие времена – перестройка. Он обеспечит Ирине спокойную работу. Наехать никто не посмеет – сразу рога обломает. Как только потекут деньги – купит себе хорошую «тачку» и толстую золотую цепь. Все узнают, кто такой Макс Разин! – Под эти сладкие мысли он крепко засыпал на тюремной «шконке».

Как-то Филарет зашёл после отбоя. Макс достал бутылку водки (надёжные люди на зоне не перевелись), порезал хлеб и сало, открыл банку мясных консервов, засунул самодельный кипятильник в литровую банку с водой. Разлил водку по кружкам. Выпили молча. Фил закусывать не стал и закурил сигарету.

– Ты на днях откидываешься, – сказал, сминая сигарету в пустой консервной банке. – Так вот, Захар велел передать, что ждёт тебя. Дела у него серьёзные намечаются, бизнес, нужны надёжные люди. Как его найти, скажу позже.

Выпили ещё. Фил вновь закурил.

– Ещё. Надо восстановить канал. Сейчас на зону крохи поступают. Братва голодает. Греть нечем. Я пораскинул мозгами, пригляделся. Черкану тебе пару людишек – ментов местных, похлипче. На воле наехать надо. Объяснить что к чему. Но канал нужен позарез. Просёк ситуацию?

– А Саврасов? – спросил Макс.

– Что Саврасов? – Фил презрительно сплюнул в угол: – Этого легавого давно кончать пора!

Опершись руками о колени, встал, повёл плечами:

– Вот и разберись с ним для общей пользы. Это он всю муть затеял, гад! И дальше мутить будет! Не остановится! Сколько кровушки нашей выпил?!! Короче – валить его надо! Чем быстрее, тем лучше!

Филарет прищурился и с вызовом посмотрел на Макса:

– Если слабо – скажи сразу! Пойму. На воле соблазнов много. Жена, а потом, гляди, детишек настругаешь. На работу устроишься. Зла держать не стану. Может, когда-то и вспомнишь, как на зоне жил, с Филаретом дружил. Ну, так как?

В душе Макса почему-то сразу зародилась ненависть к капитану. Вспомнились встречи с ним, притеснения, которые он чинил корешам, его противный резкий голос, хитрые, всегда прищуренные глаза...

– Я сделаю это!

Фил подошел к Максy и обнял:

– Вот и хорошо. Я сразу понял, что не ошибся в тебе.

Потом отстранился и посмотрел прямо в глаза:

– Помни, слово дал!

– Отвечаю!

В смерти капитана авторитет был заинтересован лично.

Глава 2

Октябрь 1988 год

У ворот зоны Макса ждала Ирина на собственном авто. Прямо из колонии поехали в ресторан, где шумно отметили знаменательную дату в присутствии нескольких знакомых Ирины. Макс быстро опьянел, громко пел авторские произведения из тюремного фольклора, попытался подраться с непонравившимся посетителем, но был оттащен Ириной и её друзьями в автомашину. Потом наступил пьяный сон.

Разин очнулся на следующий день в загородном доме Ирины. Долго осматривался и приходил в себя, настолько всё казалось неожиданным, новым и очень приятным. Нехотя поднялся с постели, подошёл к столу. Плеснул полный фужер коньяку, залпом, давясь, влил в себя. Запил холодным кофе, не допитым Ириной. Её дома не было. Чем занимается, Ирина не говорила, да это его не особенно интересовало. Главное, что он оказался не на улице, а в красивом доме, где будет жить с преданной ему женщиной. Почувствовав некоторое просветление в мозгах, подошёл к стоящему на прикроватной тумбочке модному кнопчному телефону.

До Захара дозвонился не сразу. Наконец на другом конце сняли трубку. Спросил Сергея. Какая-то женщина поинтересовалась, кто звонит, и попросила оставить свои координаты. Макс продиктовал написанный на подставке телефона номер и положил трубку на место. Прошел в ванную, забрался под душ и включил прохладную воду. Долго стоял и отмокал. Затем обернулся махровым полотенцем и вышел в комнату. Телефон прозвучал приятной мелодией из известного фильма. Макс поднёс телефонную трубку к уху. Услышал низкий голос Сергея.

– Ну, привет, каторжанин.

– Здравствуй, Сергей.

– Надеюсь, уже отдохнул? Пора работать. Завтра, в десять часов на Московском вокзале у памятника. Тебя встретят.

Максим ещё некоторое время слушал короткие гудки, доносившиеся из трубки. Налив ещё коньяку, выпил и лёг на постель.

Вечером вместе с Ириной опять ездили в ресторан, но Макс почти не пил спиртного, чем вызвал одновременно удивление и одобрение с ее стороны.

На следующее утро облачился в новые джинсы, пуловер и короткую кожаную куртку. На ноги надел удобные коричневые туфли. Всё это было куплено для него заранее. Легко перекусил и дождался Ирину на улице около машины. По дороге молчали. Когда Ирина привезла его к вокзалу, поцеловал ее и вышел на привокзальную площадь. Ирина уехала.

Разин посмотрел на часы – подарок любимой женщины – оставалось семь минут. Не спеша, прошёл на вокзал, встал невдалеке от постаментов с бюстами. Ровно в десять Макса окликнули по имени. Он обернулся. Перед ним стоял невысокий худощавый мужчина в тёмном костюме и светлом плаще, который не говоря ни слова, развернулся и направился к выходу. Макс проследовал за ним на стоянку такси. Сели в ожидавший их таксомотор, Макс сзади, мужчина расположился на переднем сиденье.

Ехали около получаса. Остановились перед входом в гостиницу на площади с высокой стелой и памятником защитникам города. Их уже ждали. В холле гостиницы мужчина в костюме передоверил Разина крупному, быкоподобному парню. На лифте поднялись на четвёртый этаж. Открыв ключом дверь, парень слегка подтолкнул Максима в спину. Сам в номер заходить не стал и, прикрыв дверь, удалился. Помещение, где очутился Макс, имело люксовую

отделку. Мягкая кожа мебели отливала глянцем, рядом с диваном стоял небольшой столик со стеклянной столешницей. На столике ваза с фруктами, бутылка дорогого виски и толстостенные стаканы. В углу располагался современный телевизор с огромным экраном. Расположенная слева дверь вела в смежную комнату и была закрыта.

Макс, ожидая продолжения, стоял посреди комнаты. В этот момент щёлкнул дверной замок и в номер зашёл Сергей. С момента последней встречи он очень изменился. Встреть его на улице, ни за что бы сразу не узнал. Сейчас Разин видел перед собой не уголовного, а солидного подтянутого господина, одетого в прекрасно сшитый костюм тёмно-серого цвета, белую рубашку и идеально подобранный по цвету галстук. Короткий ёжик аккуратно подстриженных тёмных волос с пробивающейся сединой придавал ему дополнительный шарм.

Сергей некоторое время рассматривал Макса через затемнённые стёкла сверкающих тонкой, золотой оправой очков. Протянул руку для пожатия, потом жестом пригласил присесть в кресло. Макс осторожно опустился в мягкое кресло, которое сразу поглотило его. Сергей откупорил бутылку и разлил виски по стаканам.

Приподнял свой стакан, кивнул Макс и отпил глоток.

– За встречу.

Поставил стакан на столик, достал из пачки сигарету. Щёлкнув зажигалкой, со вкусом затянулся. Разговор начался без проволок и конкретный.

– Я интересовался, – заговорил Захар. – Люди тебя характеризуют хорошо. Думаю, тебе можно верить. Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Готов?

– Да.

– Вот и отлично. Хотя мог и не отвечать. Всё решено. Будешь работать хорошо, не пожалеешь, а если плохо, то всё наоборот. Других вариантов нет.

Макс почувствовал себя не совсем уютно. Он отхлебнул немного виски. Крепкий алкоголь обжёг горло.

– Посмотрю, на что способен, – продолжил Захар, а там решу, куда тебя пристроить. Здесь всё, что тебе надо. – Протянул свою визитку. – Запомни и уничтожь. Деньги и документы получишь позже. Разберёшься со всеми, позвони. Помогать тебе Слоно будет. Он на выходе ждёт и в курсе. Иди.

Разин вышел из кресла и, выйдя из номера, нос к носу столкнулся со Слоном.

Протянул руку.

– Максим.

– Дима.

Вместе вышли из гостиницы. Макс просмотрел визитку. На тыльной стороне был записан адрес. Запомнил, порвал визитку на мелкие кусочки и выбросил в урну.

Договорившись с Димой-Слоном о встрече, расстались. Разин остановил такси, сказал водителю, куда везти. Не доезжая до съезда с шоссе, попросил остановиться. Расплатившись и накинув чаевые, вышел из машины. Дождался, пока такси скроется за поворотом, и быстро пошёл в сторону дома Ирины.

Глава 3

Октябрь 1988 г.

Рабочий день закончился. Перед отъездом домой Николай решил заглянуть к Сухову.

– Разрешите, – для порядка поинтересовался Саврасов, открыв дверь кабинета Сухова.

– Заходи. – Сухов поднялся из-за стола навстречу Николаю. Обменявшись рукопожатием, предложил садиться.

Они познакомились давно, когда Андрей работал оперативником в убийном отделе Главка и по службе курировал районный отдел, где заместителем начальника отдела уголовного розыска трудился Николай. Постепенно их отношения сложились как товарищеские, а позже переросли в дружбу. Полусные типы характеров – Саврасов взрывной и резкий, Андрей спокойный и рассудительный, они гармонично дополняли друг друга в работе и общении. Не раз и не два, плечом к плечу, участвовали в раскрытии убийств, опасных задержаниях и рейдах. Вместе гоняли в командировки, бывало и выпивали. Когда начались проблемы по службе, первым порывом Николая было написание рапорта об увольнении. Но после пары рюмок «крепкого чая» и убедительных аргументов в пользу дальнейшей службы Саврасов согласился с доводами Андрея и вскоре перевёлся в другую службу при Главном управлении без понижения в должности. Через некоторое время там же, но в Управлении, в должности начальника отделения оперативного отдела появился и Сухов.

Теперь служба объединила друзей.

– Кофе будешь?

– Не откажусь.

Сухов включил электрический чайник, достал банку растворимого кофе, две чашки и коробку шоколадных конфет.

– Треснуть хочешь, – спросил, доставая из шкафа коньяк и стопки.

– Давай по граммულке.

Андрей разлил по чашкам кофе, пододвинул на середину стола шоколадные конфеты.

– Ну, поехали. За удачу, – они чокнулись. Закусили конфетами и отхлебнули по глотку обжигающего кофе.

– Что-то сказать собирался, – опередил Николая Андрей.

– Хотел. Не знаю, стоит ли сейчас, разговор не простой. – Николай посмотрел на часы.

– Ты спешишь куда? – Поинтересовался Сухов, наполняя стопки.

– Нет. Куда мне спешить. Ты же в курсе, что я один. Ждать не кому.

* * *

Саврасов был женат ровно три года. С будущей супругой познакомился в гостях у друзей. Катя понравилась ему сразу. Стройная, весёлая. Любовь с первого взгляда. Николай Кате тоже был симпатичен. Высокий, сильный и добрый. Встретились на следующий день, а через месяц уже жили вместе в однокомнатной квартире, которую снимал Саврасов. Через год зарегистрировались. Всё было просто отлично. Николай, по возможности, старался уделять как можно больше внимания жене. Она отвечала ему тем же. Но время текло, и первые искромётные чувства стали переходить в спокойное русло, сглаживаться. Появились вначале редкие и робкие претензии друг к другу. Но главное, у них не получалось завести ребёнка. Когда Катя обрати-

лась к врачу, Николай из ложного чувства стыда и страха оказаться первопричиной наотрез отказался обследоваться. Слезные уговоры жены не принесли никакого результата. Саврасов уперся, как баран. Он ничего не хотел слышать. В семье даже по незначительным мотивам стали возникать ссоры, которые очень скоро переросли в скандалы с взаимными оскорблениями и упрёками. Саврасов стал вечерами прикладываться к рюмке, старался прийти с работы попозже. От бывлой африканской страсти не осталось и следа. Катя, в свою очередь, всё чаще стала задерживаться после работы и поздно приходить домой. Николаю говорила, что была у подруги. Он относился к этому снисходительно – никуда не денется. Но однажды Катя не пришла домой. Саврасов до утра не сомкнул глаза, вскакивал к окну при звуке шагов или подъезжающей машины. Он так ждал Катю! За эту ночь перед ним пролетела вся их совместная жизнь. Николай был готов отдать всё за долгожданный скрип ключа в дверном замке. Он будет умолять Катю простить его и начать всё сначала. Под утро нахождение в пустой квартире стало невыносимым. Саврасов накинул куртку и вышел во двор. Прошёлся вдоль дома, затем уселся на скамейку в сквере напротив подъезда. Свет автомобильных фар он заметил издали. Сначала рассеянный луч осветил стену противоположного дома, затем машина развернулась. Николай прищурился от яркого света. Его сердце учащенно забилося и одолеваемый внезапным подозрением, он подошел к своему дому. Машина стояла напротив его подъезда. В салоне периодически вспыхивал и затухал красный уголёк сигареты. Пассажир курил. Вышел водитель. Обойдя машину спереди, открыл дверцу и Саврасов увидел Катю. Выйдя из машины, она слегка пошатнулась. Саврасов бросился навстречу и замер: момент расставания любовников был страстным и нежным. Лучше бы он этого не видел. Разум помутился. Подскочив к машине, он оттолкнул Катю в сторону, не раздумывая, нанёс удар в лицо молодому мужчине. Тот завалился рядом с открытой дверцей автомашины. Громко вскрикнув, Катя склонилась к нему.

Николай немного подождал и, увидев, что «клиент» подает признаки жизни, засунул руки в карманы куртки и пошёл прочь.

– Негодяй, отморозок! – Исполненный ненавистью Катин крик было последнее, что он услышал, повернув за угол. По пути купил у таксиста бутылку водки и тут же поспешными глотками выпил прямо из горлышка. Пустую бутылку со злостью зашвырнул подальше, закурил и пешком побрёл на работу. Зайдя в кабинет, запер дверь и завалился на диван. Катя развелась с ним через месяц. В ЗАГС Саврасов не пошёл, печать в паспорт о разводе так и не поставил. Позже он узнал, что Катя благополучно вышла замуж и живёт в покое и достатке, воспитывая сына.

* * *

Николай поставил стопку на стол.

– Вот я о чём думаю. Вроде, как и навели порядок. Пока спокойно. Но известно мне стало, что опять клубок завязывается. Зашевелились, пока ещё понемногу. Опять дрянь всякая пошла с воли. Не в таких объёмах, конечно...

– Мысли какие есть? – перебил его Сухов.

– Знаешь, кто всё мутит? – продолжил Николай. – Филарет.

– Не удивил. Упрячь его в изолятор, надолго. – Посоветовал Андрей.

– Не так всё просто, – Саврасов закурил, – не хотел открываться, да ладно – перед тобой можно.

– Ты на что намекаешь, – удивился Сухов, – вляпался куда-то?

– Пока нет, но предчувствие нехорошее.

– Так говори наконец! – начал заводиться Сухов. – Топчешься на месте. Или говори или допьём и на выход.

– Сказать, откуда у меня взялась вся информация? – Николай откинулся на спинку стула. – От Фила.

– Да ну! – удивился Сухов, – он же в авторитете. Зачем ему всё это.

– В авторитете – то, в авторитете, только вербанул я его, когда пришёл сюда.

– Так выходит... – Сухов потянулся к бутылке.

– Именно. – Николай взял протянутую стопку. Выпили.

– Взял я его скорее на испуг, а он повелся, поверил мне. Зашиб он ненароком парнишку-дагестанца. Тот по жизни был спокойный, себя уважал, ни к кому не прибился – сам по себе был. Ему на следующий день на волю выходить. Решил отвальную устроить. Только сели, прискакала шестёрка от Филарета. Зовёт мол, поговорить хочет. Ну, парень тот шестёрку послал подальше, велел передать Филарету, что тот баран, пусть сам приходит. Осторожность потерял совсем, потому, что пьяненьким был. Филарет заявился лично. Спокойно вызвал за дверь. Вышли. Прошло несколько минут, и парнишка этот вернулся, лёг на койку, вроде заснул, а к утру обнаружили остывший труп. Вскрытие позже показало, что черепно-мозговая травма. А внешне как бы ничего и не заметно. Тихо помер, никому не рассказал, как все произошло.

Николай закурил папиросу и продолжил повествование:

– Встречать его мать и братья приехали на трёх навороченных тачках. Ждали они, ждали, потом в администрацию пошли узнавать, где их Исмаил. А там глазами хлопают, не знают, как объяснить, что его не дальше, как сегодня грохнули прямо на зоне. Вызвал меня шеф, бывший. Говорит: «иди, поговори, объясни – ты сможешь. Ведь пока ничего не ясно, что на самом деле случилось».

Пригласил я одного из них, кто с виду старше и спокойней себя вёл. Объявил ему весть горькую. Он глазом не повёл, молча выслушал, а потом и говорит: «Скажешь мне, кто это сделал. Никаких судов не надо». Я ему говорю, что сам ещё не знаю. «Узнай», говорит, «и позвони» и протягивает мне визитку. Когда ушёл, я на визитку ту взглянул. Боже ты мой, что за человек оказался! Если кому сказать, с кем довелось встретиться – не поверили бы!

Пошептались они в куче, сели в машины и укатили.

Думаю, что делать. Филарета в камеру оформил. Дознаватель приехал. Толку никакого, молчат все. Адвокат подкатил, раскормленный, блестящий. Тот деньги сразу предложил.

– Ну и как, взял? – Ухмыльнулся Сухов.

– А он и давать не собирался, только бы я подумал, сразу спалили. Я про эту сволочь жирную много чего слышал. Так вот время идёт, а толку никакого. Филарет уже открыто измывается. Спрашивает, когда обвинение предъявлять будете. Надоело мне всё, выдернул его к себе и визитку перед ним положил. Говорю: «Вот тебе и обвинительное заключение и приговор в одном флаконе». Видел бы ты, что с ним случилось. Затрясся весь, позеленел. Решил я ковать железо, пока горячо. Согласился Фил на все условия. Только понял я позже, что недооценил его. Взять того же Разина. Подмял под себя мигом! Почему? Парень безбашенный, не умный. Я хотел его привлечь – не получилось – не пошел на контакт. Ну и оставил в покое. Подумал, что всё равно толку от него никакого не было бы. А погляди ты, по УДО освободился. Значит из-за забора подсутились. Понадобился там зачем-то. Это сейчас я допёр, почему Филарет мне так легко канал сдал. Деваться было некуда, понимал, что если захочу, наизнанку, как перчатку выверну. Так он выгоду из этой очень хреновой ситуации извлёк. Нашими руками убрал конкурентов и на трон сел. Выходит, не дурак. Сейчас вновь смуту затевает. Не понимаю, на что рассчитывает. Должен понимать, пока я здесь, в одну минуту приговор могу вынести. Либо «Даги» грохнут за брата своего, либо свои, если прознают, что он падла ссученная. Неужели не боится?

Сухов встал и заходил по кабинету.

– Боится он, – Андрей остановился перед Саврасовым, – очень боится. Ты один настоящее время представляешь для него реальную опасность. Думал об этом?

– А что он мне сделает? Сидеть ему долго. И кто на воле впишется за него. Убедить, доказать надо. Я же мент.

– Согласен. Дай бог, если так, – вздохнул Андрей. – Ну, что на посошок и по домам.

Пока Сухов прибирался, Николай успел переодеться в гражданскую одежду и спустился вниз. Дождавшись начальника, сел на заднее сиденье служебного УАЗа и машина тронулась в сторону города.

Высадив Николая недалеко от дома, Сухов укатил. Саврасов зашёл в магазин, купил пакет молока, пачку пельменей и батон. В расположенном рядом киоске взял бутылку водки и отправился домой через проходной двор.

На улице было безлюдно. Одинокий, ещё уцелевший фонарь, раскачивался под порывами свежего ветра и бросал скудный отсвет из стороны в сторону.

Николай думал о том, что сейчас он придёт в пустой, давно ставший неуютным дом, где многое ещё напоминало о Кате, и где он старался проводить только ночи. После развода Саврасов так и не устроил личную жизнь, обходясь редкими, в основном случайными связями с женщинами. Порой возникала мысль – а что дальше? Для чего он живёт? Кто останется после него? Большую часть жизни Николая составляла работа, которая увлекала и захватывала его полностью. А вечерами, когда становилось тошно от одиночества, пил алкоголь. Саврасов понимал, что так долго не протянет, что надо изменить жизнь. С думой об этом проваливался в тревожный сон, чтобы утром вновь идти на службу и повторить прожитый день.

Николай подошёл к подъезду и открыл дверь. Поднялся по лестнице к лифту. Нажал кнопку вызова. Нутром почувствовал опасность. Резко развернулся и успел отбить удар. Прихватив нападающего за одежду, нанёс удар головой в лицо и левым коленом в печень. Придавил обмякшее тело к полу. Рассмотрел налетчика. Под ним, хлюпая сломанным носом, лежал парень лет двадцати, очень плотного сложения.

– Ты кто? – прорычал Саврасов, – кто спрашиваю?

Тут Николай увидел, что взор парня впился куда-то за его спину. Николай не успел оглянуться. Мгновенная, острая боль в области левой лопатки! Последнее, что он увидел – плывущую дверь лифта, потом всё разом померкло.

Слон выбрался из-под Николая, с трудом поднялся. Со злостью пнул ногой уже ничего не чувствовавшего капитана.

– Сука! – Его стошнило. – Башку мне разбил.

В это время Разин, перевернув тело, рылся в карманах. Вытащил деньги, раскрыл корочки служебного удостоверения.

– Он. – Положив вещи в карман, приказал, – помоги.

– Ты, что его...это..., – окровавленный Слон широко раскрыл глаза. – Ты же говорил, что припугнём и всё, а получилось, что мента пришили.

– Помоги, сказал, – прохрипел Макс, подхватывая Саврасова подмышки, – некогда сопلي распускать, в подвал его.

– Ну, ты..., – Слон хотел ещё добавить, но взялся за ноги трупа.

Совместными усилиями стащили тело по ступенькам и оставили у входа в подвальное помещение, за облезлой металлической дверью.

Глава 4

Октябрь 1988 года

Обстановка располагала к размышлениям. Через окно пробивались утреннее лучи солнышка и, отражаясь от блестящего колпачка авторучки, прыгали по гладкой поверхности письменного стола солнечными зайчиками.

Старший оперуполномоченный второго убойного отдела Управления уголовного розыска Борисов сосредоточено завершал составление плана оперативно-розыскных мероприятий по делу об убийстве. План представлял собой несколько листов, исписанных мелким аккуратным почерком, и содержал стандартный перечень мероприятий, выполнение которых почти гарантировало составителю раскрытие любого убийства. «Почти» – та мелочь, подразумевающая оперативное мастерство, импровизацию, удачу и всё то, что в совокупности приводило к успеху.

Георгий любил утро. Приходил на работу в Управление пораньше, когда в коридорах пусто, нет дневной суеты. Если и встретится кто по дороге, так это бредущий в туалет, уставший после ночного дежурства опер с красными грустными глазами или шустрая уборщица из числа административно арестованных, отбывающая трудовую повинность прямо в здании Главка.

Нет ничего лучше состояния утреннего покоя, когда не трезвонил телефон, не шныряли взад и вперёд озабоченные сослуживцы. Георгий знал, что именно сейчас его не вызовет руководство, никто внезапно не зайдёт и не испортит настроение. По этим же причинам раннее утро было лучшим временем для размышлений и бумаготворчества. Мозг свеж и ещё не затуманен проблемами или, как случалось иногда к вечеру – алкоголем. Можно просто наслаждаться свободой, купаться в ней. Борисов положил ручку на письменный прибор и встал. Услышал в коридоре тяжёлую поступь. Дверь скрипнула, и в кабинет зашёл Анатолий Птицын. Протянул руку, затем снял куртку и достал сигареты. Вскоре появился Игорь Мухин по кличке Насекомое.

Мухин по молодости, глупости и наивности вляпался в такое дерьмо, что вытаскивали всем уровским «колхозом» под председательством Деда, царство ему небесное и вечная память. После чего Мухин встал на правильный, твёрдый путь и теперь лейтенант милиции. Последними заплыли в гавань под номером 344 и причалили к своим столам Сашка Жуков, плотный, уса́тый и разбитной опер, и майор Олег Пушинский по прозвищу «старый». Олег любил повторять, что не надо напрягать его по пустякам, потому что он старый больной человек. Так и привязалось к нему «старый», хотя ему было сорок четыре года. Между тем, несмотря на разницу в возрасте и темпераменте, компания со временем сформировалась крепкая и спаянная. Ещё один ценный товарищ Андрей Сухов перевёлся в Управление ИТУ (исправительно-трудовых учреждений), где успешно командовал местными операми. Хороший человек и общий друг. Работал недалеко, поэтому встречи происходили периодически часто.

Как говорил Александр Сергеевич в бессмертном стихотворении «...пора, брат, пора, туда где...», неровным строем все перечисленные выше лица направились в кабинет шефа. Так же разрозненно и беспорядочно прибыли другие сотрудники отдела. Это было устоявшееся со временем начало рабочего дня. Разница в том, что в пятницу, а сегодня, была именно она, явка всех без исключения сотрудников отдела, невзирая на чины и заслуги, обязательна. Исключением из установленного правила могли быть: отпуск, командировка, тяжёлая болезнь и смерть.

Но, как однажды выразился один из руководителей, и в этом случае надо предупреждать заранее, чтобы не искали. Но, всё – процесс пошёл, шутки в сторону – заседание продолжается.

После монотонного зачитывания сводки о совершённых преступлениях за прошедшие сутки и обсуждения текущих дел, начальник отдела Котов Сергей Павлович объявил, что претворяя в жизнь пожелания М.С. Горбачёва, приступает к «индивидуальному подходу к гражданам». Индивидуальный подход применялся не часто и только в исключительных случаях к нарушителям. На этот раз не повезло операм Ядову, «В» и «Ф».

В минувшую субботу «В» и «Ф», по просьбе Ядова, консультировали последнего при выборе телевизора. После покупки обмыли её. Сначала на телевизоре, затем у телевизора, а потом на скамейке у подъезда. При транспортировке телевизора Ядовым и «Ф» в квартиру, оставшийся не у дел «В» перешёл на другую сторону улицы в кафе, где выпил коктейль, состоящий из коньяка и шампанского, в пропорции, сто на сто. Спустившиеся вниз Ядов и «Ф», «В» на месте не обнаружили. Посчитав, что он уехал домой, перешли на другую сторону улицы, где выпили по коктейлю. После этого тепло расстались. Спустя полчаса в милицию по телефону 02, поступило сообщение об обнаружении трупа неизвестного. Выехавшая на место происшествия оперативная группа, обнаружила на лестнице, ведущей в подвал дома Ядова, в смерти пьяного «В», который, вызванным спецтранспортом был отправлен в медицинский вытрезвитель, откуда забран дежурным опером отдела и доставлен в свой кабинет. Вот и вся история. Неприятно, но факт. Ядов и «Ф» получили по полной программе за то, что бросили товарища в трудном положении. Как не возмущался «Ф», что они не виноваты, что этот гадёныш (при этом, со злостью указав пальцем на «В»), сам напился в одиночку. Ничего не спасло от взыскания – товарищей бросать нельзя. Как не странно, но самого виновника случившегося по фамилии «В» даже не обсуждали.

* * *

Зазвонил телефон.

– Слушаю, Котов, – Палыч поднял руку, призывая к тишине. – Где? Кто обнаружил? – Добро, выезжаем.

Котов сделал запись на листе бумаги, затем позвонил дежурному и вызвал служебную автомашину.

– Труп неизвестного с ножевым ранением, – невозмутимо пояснил он, поднимаясь из-за стола. – Сопровождение закончено. Борисов и Птицын со мной.

«Хорошенькое начало трудового дня», – подумал Борисов. Посмотрев на Птицына, прочитав в его разом потухшем взоре нескрываемую досаду. Дело в том, что сегодняшний вечер у Борисова и Птицына был уже расписан буквально по минутам и распределены роли. Казалось, что никакие обстоятельства не могут воспрепятствовать двум ещё далеко не дряхлым мужчинам посетить учреждение коммунального хозяйства, а по-простому баню в компании также двух весьма симпатичных девиц, приятельниц Птицына. Анатолий Птицын, а проще Воробей, был закоренелым холостяком, но не женоненавистником. Как раз совсем наоборот и с размахом. Многие женщины в управлении при упоминании имени Птицына смущённо опускали глаза и переводили разговор в иное русло. Если подойти к проблеме объективно, то непомерный успех Воробья у женского пола, с первого взгляда, был труднообъяснимым феноменом: Чуть выше среднего роста, тонкой кости и немного сутулый, он и передвигался как-то нестандартно, опустив правое плечо. Костюм на Воробье сидел мешковато. К тому же он имел привычку засовывать руки в карманы, оттягивая и так свисающие плечи пиджака. Следует добавить, что Птицын носил обувь сорок седьмого размера и при ходьбе ногу ставил тяжело и твёрдо. Если не видеть Толю, то можно было представить, что навстречу движется борец – суматори (сумо – японская борьба между очень тяжёлыми мужиками). Светло-русые

редкие волосы Толя зачёсывал на низкий пробор, длинными прядями скрывая пробивающуюся плешь.

Но первое впечатление бывает обманчиво. Птицын обладал приятным густым голосом, искромётным чувством юмора и лучезарной, открытой улыбкой. Имел поразительную реакцию и никогда за словом в карман не лез. В любой компании он очень быстро становился центром всеобщего внимания и женского обожания. Если прибавить к этому острый и аналитический ум, рассудительность, глубокую порядочность по отношению к хорошим людям и массу других полезных качеств и навыков, то можно легко объяснить труднообъяснимое.

Георгий был полной противоположностью Воробью. Высокого роста, плотного борцовского телосложения, громкоголосый и порывистый. Несмотря на занятость по работе, продолжал регулярно тренироваться и выступать на соревнованиях. Являлся чемпионом общества «Динамо» по рукопашному бою в тяжёлом весе. Борисов никогда не был бабником ввиду природной застенчивости. Но временами, поддаваясь уговорам Воробья, пускался с ним во все тяжкие. Толик считал Борисова очень ценным человеком и нередко использовал его для осуществления своих планов. Георгий, в отличие от Птицына, не являлся источником красноречия и неотразимого обаяния, поэтому от него требовалась самая малость: подойти к намеченному Воробьём объекту женского пола и задать безобидный вопрос о дороге в библиотеку. По расчётам Анатолия, никакая дама не могла отказать в помощи симпатичному и скромному атлету. Как только она раскрывала рот, подваливал Воробей, и всё остальное было уже делом его техники. Осечек не было. Птицын безошибочно умел определить в толпе ту единственную, которая не отвернётся и проникнется сначала участием, а потом желанием. Несмотря на внешнюю и внутреннюю несхожесть, Борисов и Птицын благополучно и успешно сосуществовали рядом. За глаза кто-то из сотрудников Управления изрёк: «Два друга – волчий х... и колбаса».

Они вышли на улицу, повернули за угол здания Главного управления и очутились на служебной автостоянке. Увидели отделовскую «Ладу». Ровно работал включённый двигатель, а из выхлопной трубы змеился белый дымок. Водитель Лёха Перцев, откинувшись на спинку сиденья, дремал. Будучи, молодым и выносливым, Перцев был убеждён, что ночной сон есть пустая трата времени. Ночь, по его мнению, предназначалась для наслаждения прелестями жизни, такой короткой, а поспать можно в другое время. Поэтому каждую свободную минуту рабочего времени Лёха погружался в объятия Морфея.

Воробей постучал по стеклу костяшками пальцев.

– Подъём! Сергей Палыч сейчас подойдёт.

Перцев отлепил голову от подголовника. Согнутыми пальцами интенсивно взлохматил волосы и протёр глаза. Принял рабочее положение, отпил из бутылки несколько глотков минеральной воды, закрыл пробку, сунул бутылку в карман заднего сиденья и дёрнул вверх «грибок» блокировки дверей.

– Садись, пожалуйста, дарагой. – Лёха изобразил кавказский акцент.

Борисов открыл заднюю дверь. Перед собой, как обладателя менее длинных ног, пропустил Птицына, а сам втиснулся рядом.

Вскоре на переднем сиденье разместился Котов. Он ещё не успел захлопнуть дверь, как машина резко сорвалась с места.

– Ты что творишь, – без особого раздражения проворчал Котов, – угробить всех хочешь?

– Так, Сергей Павлович, на происшествие едем. – Бодрым голосом отреагировал Перцев. Котов, глядя перед собой, что-то проворчал, но ни Борисов, ни Воробей не разобрали, ни слова, зато Лёха громко заржал.

Дальше ехали молча. Воробей прикрыл глаза и о чём-то думал. Борисов рассеянно смотрел в окно.

Съехали с дороги во дворы. «Ладу» несколько раз подбросило на неровностях и Перцев остановил машину около стандартной девятиэтажки – «корабля». У третьего подъезда при-

парковалась автомашина с уже прибывшей на место оперативной группой. Рядом с ней стояли прокурор района Лебедев, начальник районного управления милиции подполковник Линчук, начальник отдела уголовного розыска Кулешов и судебно – медицинский эксперт Левченко. Невдалеке от них располагалась группа сотрудников местного отделения милиция. Среди них Борисов увидел старого знакомого, участкового инспектора Альберта Полякова. Георгий, приветствуя, кивнул ему. Поздоровавшись с каждым за руку, Котов выслушал краткий доклад Кулешова. Судя по полученной на данный момент информации, труп обнаружил утром местный сантехник, спустившийся в подвал перекрывать воду в стояке. Он сразу позвонил своему руководству, ну а те вызвали милицию и скорую помощь. Врач скорой и определил, что имеется ножевое ранение. Так же, по мнению врача, труп пролежал в подвале с ночи. Личность потерпевшего пока не установлена. Когда Кулешов закончил, Котов и Борисов направились к подъезду. Птицын остался на улице. Он в сторонке мирно беседовал с каким-то затрапезного вида мужичком.

Спустившись в подвал и осмотрев место происшествия, вышли на улицу. Труп мужчины лет сорока. Никаких документов при нём не оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.